

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 74–82.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2022. Vol. 3 (72). P. 74–82.

Научная статья
УДК 323:94(47).084
doi: 10.54398/1818510X_2022_3_74

РОЛЬ И МЕСТО РУССКИХ В МОДЕРНИЗАЦИОННОМ РАЗВИТИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Ерохин Алексей Михайлович^{1,2,3}, Авдеев Евгений Александрович², Воробьев Сергей Михайлович³

^{1,2,3}Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

¹eroxin.alexey2017@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-7381-5372>

²ewg.avdeev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4004-9610>

³sergey_vorobev_54@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8893-2595>

Аннотация. В статье рассматривается исторический опыт модернизационного развития советского Северного Кавказа. Проблематика статьи имеет не только историческое, но и современное звучание, обусловлена сложной динамикой этномиграционных, социокультурных и модернизационных процессов, значительным конфликтотенциальным потенциалом исторической памяти на Северном Кавказе. Целью исследования является определение роли русских в формировании советских современных институтов в полиэтничном фронтальном регионе. Советская модернизация представляла собой переход от традиционного общества к современному. По целям, средствам и результатам она сводилась к индустриальному и материальному прогрессу, отличительной чертой советской модернизации стало преобладание более традиционных коллективистских начал. В ходе модернизации на Северном Кавказе формировались передовые индустриальные производства и соответствующий им политические и социокультурные механизмы, которые позволяли поддерживать и развивать эти процессы. Советский проект был основан на быстрой индустриализации, стремительных социокультурных преобразованиях, урбанизации, поддержке и пропаганде социального прогресса. Первые десятилетия советской власти стали переломными для Северного Кавказа. Именно в этот период в регионе создаётся современная промышленность и социальная инфраструктура, резко увеличивается городское население и формируется значимая прослойка национальной интеллигенции. Тогда же были заложены многие основные тенденции и процессы, повлиявшие на развитие региона в постсоветский период. Русское население Северного Кавказа стало основным проводником институтов советской модерности. Оно выступило носителем базовых институтов российской культуры, стало ядром научно-технической интеллигенции, здравоохранения и образования региона. Модернизации способствовала миграция русского населения в регион, которая продолжалась и в 20–50-е гг. XX в. В 70–80-е гг. начинается снижение численности русских на Северном Кавказе и их отток из национальных автономий. Это было обусловлено начавшейся нисходящей динамикой демографических процессов, замедлением темпов и последующей стагнацией социально-экономического развития. Существенно изменяется и этнический состав крупных городов, усиливается переселение северокавказских народов в города, приведшее к значительным социокультурным трансформациям. В целом, начавшийся в этот период отток русского населения имел долгосрочные негативные последствия для экономики, социальной сферы и социокультурного развития региона.

Ключевые слова: СССР, модернизация, советская модерность, советская национальная политика, Северный Кавказ, русификация, коренизация, этномиграционные процессы

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43018 «Национальная политика СССР и её влияние на современную этнополитическую ситуацию в представлениях молодёжи Северного Кавказа».

Для цитирования: Ерохин А. М., Авдеев Е. А., Воробьев С. М. Роль и место русских в модернизационном развитии Северного Кавказа в советский период // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 74–82. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_74.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

THE ROLE AND PLACE OF RUSSIANS IN THE MODERNIZATION DEVELOPMENT
OF THE NORTH CAUCASUS IN THE SOVIET PERIOD

Aleksey M. Erokhin^{1,2,3}, Evgenij A. Avdeev², Sergej M. Vorobev³

^{1,2,3}North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

¹eroxin.alexey2017@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-7381-5372>

²ewg.avdeev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4004-9610>

³sergey_vorobev_54@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8893-2595>

Abstract. The article considers the historical experience of the modernization development of the Soviet North Caucasus. The problematics of the article has not only historical, but also modern sounding, due to the complex dynamics of ethno-migration, socio-cultural and modernization processes, a significant conflict potential of historical memory in the North Caucasus. The purpose of the study is to determine the role of Russians in the formation of Soviet modern institutions in the multi-ethnic frontier region. Soviet modernization was a transition from a traditional society to a modern one. In terms of goals, means and results, it was reduced to industrial and material progress, the hallmark of Soviet modernization was the predominance of more traditional collectivist principles. In the course of modernization in the North Caucasus, advanced industrial production and the corresponding political and sociocultural mechanisms were formed, which made it possible to support and develop these processes. The Soviet project was based on rapid industrialization, rapid socio-cultural transformations, urbanization, support and promotion of social progress. The first decades of Soviet power became a turning point for the North Caucasus. It was during this period that modern industry and social infrastructure were created in the region, the urban population sharply increased, and a significant layer of the national intelligentsia was formed. At the same time, many of the main trends and processes that influenced the development of the region in the post-Soviet period

were laid. The Russians of the North Caucasus became the main conductor of the Soviet modernity institutions. They acted as the bearer of the basic institutions of Russian culture, became the core of the scientific and technical intelligentsia, healthcare and education in the region. Modernization was facilitated by the migration of the Russian population to the region, which continued in the 1920s and 1950s 20th century. In the 70s–80s, the decline in the number of Russians in the North Caucasus and their outflow from national autonomies begins. This was due to the beginning of the downward dynamics of demographic processes, the slowdown and subsequent stagnation of socio-economic development. The ethnic composition of large cities is also changing significantly, the migration of North Caucasian peoples to cities is intensifying, which has led to significant socio-cultural transformations. In general, the outflow of the Russian population that began during this period had long-term negative consequences for the economy, social sphere, and sociocultural development of the region.

Keywords: USSR, modernization, Soviet modernity, Soviet national policy, North Caucasus, Russification, korenizatsiya, ethnomigration processes

Acknowledgments: the research was funded by RFBR according to the project № 21-09-43018 "National policy of the USSR and its impact on the modern ethnopolitical situation in the views of North Caucasus youth".

For citation: Erokhin A. M., Avdeev E. A., Vorobev S. M. The role and place of Russians in the modernization development of the North Caucasus in the Soviet period. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2022, no. 3 (72), pp. 74–82. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_74.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Северный Кавказ является «фронтирным» регионом, сравнительно поздно вошедшим в общероссийское социокультурное и цивилизационное пространство. Исторически регион был и остаётся не только южным форпостом России, «перекрёстком» цивилизаций, религий и культур, но и «барометром» социокультурной интеграции, формирования общероссийской идентичности в полиэтничных сообществах, рисков актуализации деструктивного потенциала этнизации политики и межэтнических противоречий, в том числе негативного потенциала социальной памяти, рецепций советского модернизационного проекта населением региона.

Осмысление исторического опыта развития советского Северного Кавказа, актуально в связи с тем, что в регионе происходило взаимодействие традиционалистского, преимущественно исламского горского населения и советских институтов «модерности», ведущими проводниками которых выступало русское население. Основным теоретико-методологическим инструментом анализа выступает концепция множественных модерностей. Советская модерность предполагала быструю индустриализацию, культурную революцию и развитие аграрного сектора на новых коллективистских основаниях. Применение этой концепции позволяет раскрыть специфику советских социокультурных, этномиграционных и политико-институциональных трансформаций в регионе. Основное внимание в настоящей статье уделено роли и месту русских на Северном Кавказе в советский период, которое рассматривается сквозь призму советской модернизации. Эта проблематика актуальна и для понимания динамики и направленности постсоветских социокультурных и модернизационных процессов в регионе, сценариев их дальнейшего развития и оценки потенциальной конфликтности.

Основная часть

Материалы и методы

Одним из концептуально-теоретических оснований изучения модернизационных процессов на советском Северном Кавказе в 1920–1950-е гг. выступает понятие «модерность» и концепция «множественных модерностей». Смысл этой концепции, по словам Ш. Н. Эйзенштадта, в том, что наряду с западными, существуют множественные незападные модели модерности [21]. Э. Гидденс характеризуя советскую модерность обращал внимание на индустриализацию и милитаризацию советской экономики [22, р. 239–240]. Советское общество включало в себя такие институциональные оси модерности, как индустриализм, резко усилившиеся и усложнившиеся институты общественного надзора и контроля, осуществляемого государственной властью. При этом Советский Союз не желал развиваться по пути капитализма, являющемуся согласно Гидденсу, одной из четырёх институциональных осей модерности. Несмотря на это советская модернизация в течение большей части периода своего существования была конкурентной и привлекательной моделью развития, привела к большим успехам в создании индустриального общества, особенно таких его аспектов как массовое образование, фундаментальная наука и социокультурная интеграция национальных окраин. Таким образом, методологически перспективным представляется рассмотрение советского общества как особой формы модерности и особой цивилизации. Представляет несомненный интерес и изучение «культурного измерения советской современности» [23; 10].

Модернизация России имперского и советского периодов XX в. представляла собой переход от традиционного общества к современному, в процессе которого формировались передовые индустриальные производства и соответствующие им политические и социокультурные механизмы, позволявшие поддерживать и развивать эти процессы. По целям, средствам и результатам советская модернизация, как и в других странах, сводилась к индустриальному и материальному прогрессу, но с преобладанием более традиционных коллективистских начал. Определяющим критерием модернизации являлось улучшение условий жизни большинства населения [26].

Наряду с общими западной модели развития чертами, такими как формирование рациональной, образованной, светски ориентированной личности, индустриализация, урбанизация, демократизация семьи, эмансипация женщин и детей, советская модернизация существенно отличалась от классической западной модели. Она основывалась на приоритете государства над обществом, примате коллектива над личностью, существенном ограничении свобод личности, жёстком централизованном планировании [13, с. 54].

Исторические особенности России, занимавшей «периферийное положение в западном мире», при этом обладавшей «чертами особой цивилизации» привели к сочетанию установок, соединивших «отрицание западной модерности» и желание «превзойти её» [19, р. 18]. Коммунистическая «революция сверху», ставшая продолжением традиционной для России установки на управление социокультурными трансформациями со стороны государственной власти,

завершила формирование советской модели развития и соединила большевистский проект с более ранними образцами имперской модернизации [3]. При этом несмотря на решающую роль коммунистического проекта «альтернатив-

ной» современности в модернизации советского социума, построение коммунистического общества оказалось нереализуемым. Советское общество стало результатом взаимодействия логики проекта «с динамикой множественных исторических констелляций» [2, с. 21].

Политика Советского государства была направлена на формирование институтов, способствующих модернизации Северного Кавказа. В советский период северокавказское сообщество во многих аспектах переходит от традиционного к современному. В регионе возникает передовой на тот момент аграрный и индустриальный комплекс, соответствующие ему социокультурные механизмы. В советскую модернизацию были включены все слои населения, её воздействие на культуру, экономику и социальные отношения отличалось глубиной и всеохватностью. Русские на Северном Кавказе в этот период были проводниками советской модерности и модернизационных процессов в регионе. Они стали ведущими акторами индустриализации, урбанизации, культурной революции и новых форм аграрного развития региона.

Обсуждение

Модернизация Северного Кавказа в советский период основывалась на теории марксизма-ленинизма, ядром которого была концепция построения коммунизма. Обоснование «множества парадигм модерности» и советского коммунистического проекта как одной из её альтернативных форм в западной (в основном англо-американской) историографии и исторической социологии основано на исследованиях Ш. Н. Эйзенштадта [21]. Исследование взаимодействия имперских традиций и революционных коммунистических проектов модернизации СССР и Китая в контексте концепции множественных модерностей принадлежит Й. Арнасону [20]. С. Коткин рассматривая Советский Союз в качестве современного государства, указывает на преемственность рационализма эпохи Просвещения и сталинизма [23, р. 6–9]. Социальный утопизм и прогрессивизм, жёсткое моделирование процессов социально-экономического развития, опора на государственное насилие становятся основными чертами эпохи. Коткину же принадлежит интерпретация предвоенного СССР как более современного государства, чем основные капиталистические страны, в таких аспектах, как создание массового промышленного производства и политической мобилизации масс [24]. А. Крыловой предложена модель советской модерности, состоящей из «большевистского», основанного на коллективизме, и «советского» этапа, основанного на строительстве социального государства социалистического типа. При этом послевоенный советский, «ориентированный на городскую среду и средний класс» этап модерности, во многом схож с тем, что происходило и в капиталистических странах [25].

Результаты

Русский народ в истории России имел ключевое значение. Можно сказать, что он является системообразующим этносом, основой существования и развития российского государства. В северокавказском регионе русские сыграли ключевую роль в процессах включения северокавказских народов в единое общероссийское политическое, социально-экономическое и культурное пространство. Можно выделить основные факторы, повлиявшие на модернизацию в регионе:

- специфика демографических и миграционных процессов расселения русских и степень их социокультурного влияния на народы Северного Кавказа;
- трансфер российских моделей экономического развития, носящего экстенсивный характер, на развитие сельского хозяйства и промышленности региона;
- характер и направленность влияния русских на социально-экономическое и культурное развитие северокавказских народов;
- наличие русской технической и гуманитарной интеллигенции и её влияние на социокультурное развитие региона.

Освоение русскими Северного Кавказа началось ещё в XIV–XV вв. Первыми переселенцами были «беглые русские люди» из центральных и юго-западных русских областей, стремящиеся к свободе и формировавшие ядро Терского и Гребенского казачества. Это происходило на основе самостоятельного преимущественно мирного освоения затерченных и других территорий в хозяйственных целях без поддержки российского государства [4]. Роль казаков усиливается с началом продвижения России на Северный Кавказ в XVIII в. и Кавказской войной. По завершению Кавказской войны начинается активная интеграция региона в социокультурное и экономическое пространство России, рост городов и городского населения, появляются первые промышленные предприятия. Развитие Северного Кавказа во второй половине XIX в. носило преимущественно аграрный характер, при этом появляются и первые промышленные предприятия, продолжается процесс русификации горцев. С 1867 до 1897 г. население Северного Кавказа за счёт внешней в основе своей русской миграции увеличилось на 1 586 000 человек, а Терской области – на 345 тыс. человек [8, с. 78–87]. Согласно данным Первой Всероссийской переписи населения Российской империи 1897 г. на Северном Кавказе проживало порядка 4 354 750 человек. Русских (перепись относилась к русской языковой группе «великорусов», «малоруссов» и «белоруссов») было порядка 2 906 334 человек или 66,7 % от общей численности населения [14]. Русские в досоветский период, в результате политики российского государства, стали проводниками и акторами русификации, урбанизации, аграрного и промышленного развития Северного Кавказа. Активная миграция русских переселенцев в регион способствовала развитию земледелия, появлению первых промышленных предприятий, развитию городов, ставших культурными и образовательными центрами, проводниками модернизации. Продвижение русских на Северный Кавказ оказало большое влияние на развитие социокультурных процессов. В процессе аграрного и индустриального развития с помощью русских переселенцев и государства началось активное включение региона в экономическое и социокультурное пространство России.

Новым этапом развития Северного Кавказа стала реализация советского модернизационного проекта, сформированного на принципиально новых идеологических, институционально-политических и социальных принципах. Целью политики советской власти было распространение социальных институтов, формирующих идеологические и социокультурные государственные нормы, а также ценности советской идентичности северокавказских народов. Это предполагало перестройку имперских духовно-нравственных оснований государственности на новые интегральные советские основы. Средства и методы реализации государственной политики начиная с 30-х гг. во многом оставались прежними. Это был курс на русификацию посредством дальнейшего распространения русского языка в государственном управлении, среднем и высшем образовании, учреждениях культуры. Политика коренизации, проводимая в 20-е гг., не привела к модернизации региона. Новый статус и значение русского народа и русской культуры отража-

ются и на национальной политике. Так, к середине 1930-х гг. складываются идеологические основания советской концепции «дружбы народов». В её основу, помимо пропаганды и официальной фиксации примордиальной этничности, была положена начавшаяся после 1933 г. усиление роли русского народа и русской культуры в советской модернизации. С середины 1930-х гг. начинает подчёркиваться национальность выдающихся русских классических писателей, художников и учёных. Русская культура на государственном уровне наделяется «наряду с культурами других народов СССР глубоким историческим прошлым». После публикации 1 февраля 1936 г. статьи в газете «Правда», озаглавленной «РСФСР», русский народ получает шаблонный эпитет «первого среди равных». А русская культура официально признается «самой прогрессивной культурой, являющейся образцом для других советских народов» [12, с. 617–618].

В качестве одной из проблем модернизации Северного Кавказа следует выделить социальную пассивность северокавказских народов, обусловленную социокультурными особенностями их сообществ и отсутствием широкого распространения русского языка. Русский язык до 1917 г. был распространён только среди узкого круга горских элит и наиболее активной части населения, включавшейся в имперскую модернизацию. Среди большей части горского населения наблюдались настороженность и недоверие по отношению к советской власти, распространявшей новую идеологию и русский язык в регионе. Революция и гражданская война разрушили прежние государственные институты в области управления, образования и культуры, что привело к болезненным процессам создания новых институтов, построенных на принципиально новой идеологической основе и противоречивших традиционной ментальности горцев.

Русские сыграли ведущую роль в развитии городов и промышленности, стали основой городского населения Северного Кавказа. Для индустриального развития широко привлекались рабочие из центральных и юго-западных регионов СССР, т. к. большинство трудовых ресурсов из местного населения не владели рабочими специальностями и не имели большого желания переходить из аграрной в индустриальную сферу деятельности. При создании промышленных производств русское население стало основой развития рабочего класса, привлекая в свои ряды представителей северокавказских народов. Например, за 10 лет (с 1922 по 1932 г.) количество горцев среди промышленных рабочих Дагестана увеличилось с 30 до 71 %. В техникумах и вузах региона складывается практика наставничества, оказания помощи русскими специалистами местным молодым людям, абсолютное большинство которых не умели читать и писать [5, с. 85]. В промышленное производство привлекалась наиболее активная часть сельского населения, имевшая опыт ремесленных форм труда, или прошедших подготовку в профессиональных образовательных учреждениях.

Наряду с развитием промышленности в этот период начался новый этап урбанизации. Если раньше города на Северном Кавказе были прежде всего военными, торговыми, административными и культурными центрами, то в 30-е гг. они становятся и промышленными центрами. Вокруг новых заводов формируются рабочие районы, имеющие новую социокультурную основу. Индустриальное развитие региона потребовало значительных капитальных вложений и советское государство, испытывавшее огромные проблемы с финансированием индустриализации, пошло на это. Так, согласно планам Первой пятилетки на Северном Кавказе, должно было быть построено 60 крупных промышленных предприятий, в том числе в Адыгее – 4, в Черкесии – 2, в Карачае – 6, в Кабардино-Балкарии – 16, в Северной Осетии – 7, в Чечне – 8, в Ингушетии – 17 [18, с. 526]. В национальных автономиях русские по-прежнему являлись основой индустриального развития. Представители горских народов неохотно переезжали в города и если работали на заводах, то сезонно, возвращаясь летом к привычному сельскохозяйственному труду в родных аулах. Так, например, горцы Дагестана весьма неохотно шли работать на железную дорогу: на рубеже 1920–1930-х гг. национальные кадры здесь едва составляли 10 % [5, с. 47]. В это период русское население Северного Кавказа значительно увеличилось. Если в годы революции и гражданской войны оно в регионе сократилось, то к концу 1930-х гг. русское население увеличилось практически в два раза [9, с. 294].

К началу 1940-х гг. возрастает доля городского населения в автономных образованиях Северного Кавказа, при этом наблюдается быстрый рост городского населения за счёт горских народов. Согласно переписи населения 1939 г. наиболее высокий процент жителей-горожан отмечался у осетин (20,8 %); более чем в 14 раз возросло с 1926 г. чеченское городское население, составившее 7,7 % от общей численности народа. У ингушей, адыгейцев, карачаевцев в городах проживало 9 %, 6,7 % и 6,1 % населения [11, с. 83]. Быстрые процессы урбанизации, сопровождающиеся переселением сельского населения в города приводили к тому, что не все приезжие из села смогли адаптироваться к социокультурной жизни города. Они продолжали существовать в рамках традиционной сельской модели жизнедеятельности. Начались сложные социокультурные процессы в которых город начал «переваривать» село, а село – город. Города становятся центрами промышленного развития, основой высшего и среднеспециального образования, проводниками советской государственной политики, местом формирования новых идеологических и социокультурных ценностей, значительно отличавшихся от системы ценностей абсолютного большинства северокавказских народов.

Особенностью городов региона являлась большая доля этнических русских в структуре населения, которые по своему экономическому положению, образовательному и социокультурному уровню сильно отличались от сельского населения горских народов. Развитие промышленности в регионе в годы первых пятилеток привело к миграции населения по линии «село – город», получившей этнический характер, горцы стали работать на новых фабриках и заводах. Города, особенно столицы автономий, уже в 1930-е гг. стали формироваться как центры национальной жизни. Несмотря на значительный рост городов и городского населения к началу 1940-х гг. модернизационные процессы приводили и к росту русского городского населения, которое составляло большинство населения городов. Самое большое по численности русское городское население было в городе Грозном и составило в 1939 г., 122,5 тыс. человек, а в 1959 г. увеличилось до 196,5 тыс. человек. Вторым по численности русских в был г. Ordжоникидзе (Владикавказ) – 76,3 тыс. человек в 1939 г., 97,5 тыс. – в 1959 г. Более 50 тыс. русских проживало в Махачкале и Майкопе в 1939 г., а к 1959 г. их число выросло до 72,1 тыс. и 61,6 тыс. соответственно [16, с. 68–69]. В годы Великой Отечественной войны произошло значительное снижение городского населения, но в послевоенный период происходит его восстановление и последующее значительное увеличение. Это связано с дальнейшей индустриализацией региона в 1950–1960-е гг. (см. рис. 1). В основном рост русского населения Северного Кавказа связан с миграцией русских из других регионов страны. В период с 1929 по 1959 г. русское население Дагестана увеличилось с 12,5 до 20,1 %, Чечни и Ингушетии – с 16,3 до 49 %, Кабардино-Балкарии – с 7,5 до 38,7 %, Северной Осетии – с 6,6 до 39,6 %, Карачаево-Черкесии – с 2,9 до 51 % [6] (см. рис. 1).

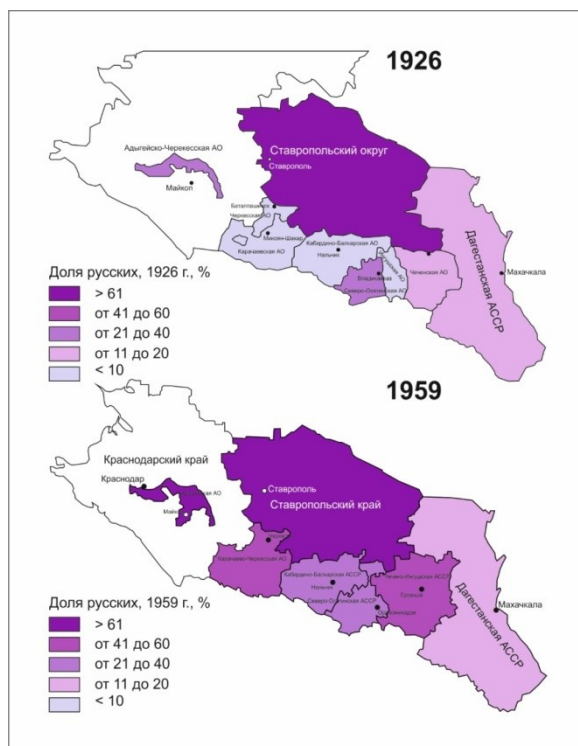

Рисунок 1. Доля русских в структуре населения Северного Кавказа, % (по результатам переписей 1926 и 1959 гг.)

Значимая роль русских в модернизации региона определялась не национальной политикой советского государства, а их вкладом в развитие промышленности, образования, здравоохранения и культуры в регионе. Они были основой модернизации Северного Кавказа. Такое положение русских вытекало из логики советской модернизации, основанной на индустриальном развитии и формировании обеспечивающей его социальной сферы. В связи с промышленным развитием городов открывались новые возможности для северокавказских народов включения в городскую среду, происходит постепенное увеличение их доли в городском населении и освоение городского пространства. При этом закладывались и основы социокультурных противоречий между преимущественно русским населением городов и сельским преимущественно горским населением.

В процессе модернизации северокавказского социума к середине XX в. сложилась двойная идентичность – советская и национальная. Советская национальная политика, в основу которой был положен принцип права наций на самоопределение, и воплощение этого принципа в национально-государственном устройстве СССР резко поднял социальный статус и роль национальной идентичности северокавказских народов. Национальность каждого гражданина получила формальное закрепление в советском паспорте и стала носить наследственный характер. Межнациональные отношения характеризовались социально-статусными позициями, а также численностью и групповой сплочённостью народов. Это стало основой формирования двойной идентичности – советской (основанной на марксистско-ленинской идеологии и российской культуре) и традиционной этноконфессиональной. Такая двойственность при распаде СССР и крушении советской идеологии, скреплявшей народы региона, привела к всплеску национализма и стала одной из основ межнациональных противоречий и конфликтов.

В процессе модернизации данные социально-статусные позиции продолжали оставаться основой этносоциальных отношений и стали приобретать государственно-властный характер. Отношения между северокавказскими народами по-прежнему носили конкурентный характер в борьбе за власть, распределении ресурсов, в том числе и земли. Рост городского населения Северного Кавказа в процессе индустриализации не изменил социально-статусные позиции жителей села и города, по-прежнему город по степени престижности оставался выше села. В связи с тем, что в городах преобладало русское население, русские имели более высокие профессионально-статусные позиции. Серьёзными ударами по русским на селе были процессы раскулачивания и расказачивания, в дальнейшем присоединение к национальным автономиям отдельных русскоязычных (казачьих) районов Ставропольского края и бывшей Грозненской области. Так, в 1930–1950-е гг. в административное подчинение национальным автономиям из Ставропольского края были переданы: Кабардино-Балкарии – территории в Прохладненский район, Северной Осетии – в Моздокский район, Карачаево-Черкесии – полоса казачьих земель бывшего Баталпашинского района. Северные районы бывшей Грозненской области были включены в Республику Дагестан (Караногайский, Кизлярский и Крайновский) [1]. Это привело к началу активного процесса переселения сельского русского населения в автономных республиках в города, а также переселения в другие регионы с преимущественно русским населением. Переезд активного трудоспособного русского населения в города и другие регионы, в основном Кубань и Ставрополье приводил к старению сельского населения, а процессы расказачивания подрывали основы самоорганизации русских поселений. Развитие этих процессов способствовало началу оттока русского населения из республик Северного Кавказа. Так, в период с 1959 по 1989 г. доля русских в Дагестанской АССР уменьшилась с 20,1 до 9,2 %, в Чечено-Ингушской

АССР – с 49 до 23,1 %, в Кабардино-Балкарской АССР – с 38,7 до 32 %. Численность русского населения Карачаево-Черкесской АО также уменьшилось с 51 до 42,4 % [7] (см. рис. 2).

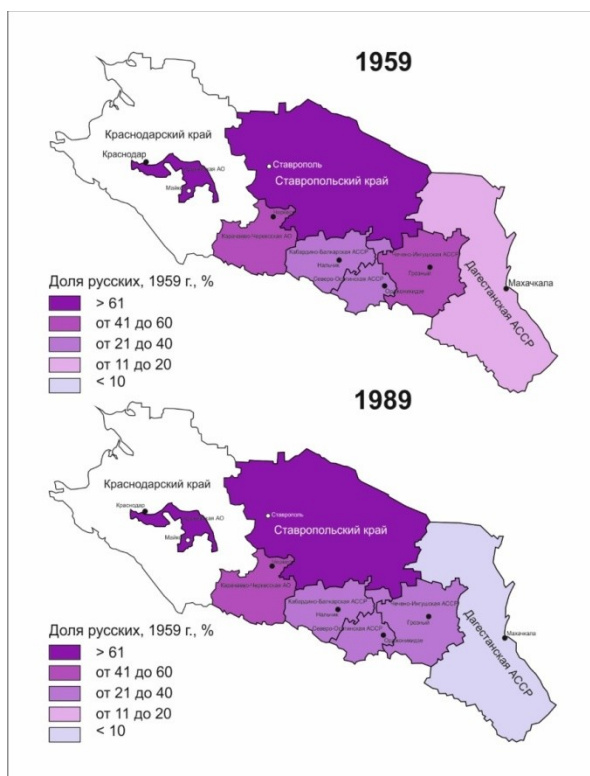

Рисунок 2. Доля русских в структуре населения Северного Кавказа, % (по результатам переписей 1959 и 1989 гг.)

Основным приоритетом в социокультурном развитии Северного Кавказа являлось дальнейшее включение населяющих его народов в социокультурное пространство огромной страны. Это предполагало дальнейшее усиление степени и глубины имплементации русского языка как государственного и языка межнационального общения в социокультурную жизнь северокавказских народов. Русификация социокультурной жизни региона являлась логическим продолжением модернизации, включающей в себя индустриализацию, развитие системы среднего, среднеспециального и высшего образования, СМИ на русском языке, советской идеологии и российской культуры. Литература, включая и техническую, делопроизводство, радиовещание, газеты и журналы издавались в основном на русском языке. Это приводило к быстрому освоению русского языка всем населением, которое стремительно включалось в модернизационные процессы. Расширение функционирования русского языка приводило к снижению роли и сужению областей применения родных языков северокавказских народов, что способствовало социокультурной ассимиляции. Русский язык становится не только языком общественной жизни, но и проникает в быт и культуру, повседневную жизнь горской семьи. Советское государство используя русскую культурную и научную интеллигенцию создаёт кириллическую письменность для языков горских народов, определяет русский язык как язык межкультурного взаимодействия, формирует систему всех уровней образования с созданием условий для подготовки специалистов из числа горцев в области образования и культуры, науки и промышленности.

В 1930-е гг. были созданы педагогические институты в городах Ставрополь, Орджоникидзе и Нальчик, осуществлён перевод письменности горских народов на кириллическую основу, произошёл быстрый перевод алфавитов горских языков с латиницы на кириллицу. Преподавание в школах на родном языке и недостаточное изучение русского языка уменьшало возможность для горцев поступать в среднеспециальные и высшие учебные заведения и приводило к малому числу специалистов-горцев, необходимых для модернизации региона. Например, в 1948 г. в Кабардино-Балкарском педагогическом институте из 599 студентов насчитывалось только 56 кабардинцев, а в Нальчикском сельхозтехникуме 7 % от общего количества студентов, среди учителей с высшим образованием также было только 7 % кабардинцев [17, с. 61]. Только в 1960 г. на Северном Кавказе открываются первые классы с русским языком обучения для детей горцев, а в середине 1960-х гг. все нерусские классы были переведены на русский язык обучения. Это существенно повысило уровень владения русским языком горской молодёжи [17, с. 120]. К 1970-м гг. в национальных республиках сформировалась значительная прослойка национальной научной интеллигенции. Так, в этот период в Кабардино-Балкарии было порядка 900 научных работников, в Дагестане, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии около 2000 [15, с. 96].

Активный процесс развития русского языка посредством подготовки учителей, специалистов в области промышленности и сельского хозяйства, владеющих в равной мере родным и русским языком, продолжался и в 1960–1980-е гг. В этот период развивается учебно-методическая база для обучения русскому языку и русскоязычная информационная среда (ТВ, радио, газеты), расширяется сеть вузов и научно-исследовательских институтов. Можно гово-

речь, что только к концу советского периода завершилась окончательная институционализация русского языка на Северном Кавказе [8, с. 100].

На основе русского языка через систему общего образования был создан основной механизм формирования, поддержания и ретрансляции новым поколениям как идеологических советских ценностей, так и советской культуры, в своей основе российской. Формирование советского социокультурного пространства на Северном Кавказе происходило достаточно длительный период и завершилось, преимущественно, к 1970-м гг. Основным индикатором стало распространение русского языка во всех сферах жизни народов Северного Кавказа, в этот период русским языком овладели все слои населения региона. Каждый горец мог говорить, как на родном, так и на русском языке. Социокультурное развитие северокавказских народов в советский период не носило характер культурной ассимиляции, это был процесс социокультурной интеграции при сохранении и статусном развитии родного языка и родной культуры. Русский язык для народов региона стал также и языком межнационального общения. Это являлось одним из факторов, усиливающих имплементацию русского языка в социокультурную жизнь северокавказских народов, что выступало основой их включения в модернизационные процессы и формировало множество новых каналов вертикальной и горизонтальной мобильности.

Выводы

Модернизационное развитие на Северном Кавказе началось после включения региона в состав Российской империи во второй половине XIX в. и в основном пришлось на советский период истории. Основу модернизационных процессов составляло русское население. Значимая роль русских в модернизации региона определялась не национальной политикой советского государства, а их вкладом в развитие промышленности, образования, здравоохранения и культуры. Русификация социокультурной жизни Северного Кавказа являлась логическим продолжением модернизации, включающей в себя индустриализацию, развитие коллективных форм сельского хозяйства, образования и здравоохранения, пропаганду советской идеологии и культуры. Такое положение русских вытекало из логики советской модернизации, основанной на индустриальном развитии и формировании обеспечивающей его социальной сферы. Они выступали носителями базовых институтов российской культуры, государственности, ядром научно-технической интеллигенции. В связи с промышленным развитием городов открывались новые возможности для северокавказских народов включения в городскую среду, происходит постепенное увеличение их доли в городском населении и освоение городского пространства. При этом закладываются и основы социокультурных противоречий между преимущественно русским населением городов и сельским преимущественно горским населением. Русские специалисты внесли большой вклад в становление и развитие национальной интеллигенции северокавказских народов, стали проводниками советской модерности. Они способствовали модернизации основных государственных, социальных и экономических институтов национальных республик.

Высокие социально-статусные позиции русского населения входили в противоречие с национальной политикой СССР, делавшей ставку на коренизацию, формирование системы государственных привилегий и этническое квотирование, что приводило к постепенному снижению роли русских в регионе, создавало морально-психологический дискомфорт среди русского населения. В связи с этим в 1970–1980-х гг. начинается снижение численности русских в регионе и их отток из национальных автономий Северного Кавказа. Меняется этнический состав населения крупных городов за счёт переселения в них северокавказских народов. Этим процессам способствовало и торможение модернизации начиная с конца 60-х гг., формирование застойных явлений в экономике и социальной сфере в 1970-е гг., исчерпание возможностей советского модернизационного проекта. Далее это привело к стагнации, которая завершилась распадом СССР, кровопролитным межэтническим конфликтами 1990-х гг., болезненным становлением новой России и продолжению модернизации региона на новых идеологических основах.

Список литературы

1. Административная граница: мифы и реальность. – URL: <https://chechnyatoday.com/content/view/22460> (дата обращения: 02.03.2022).
2. Арнасон, Й. Коммунизм и модерн / Й. Арнасон // Социологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 10–35.
3. Арнасон, Й. Советская модель как форма глобализации / Й. Арнасон // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2013. – № 4. – С. 30–44.
4. Ахмадов, Я. З. Из истории складывания первого казачьего сообщества на Тереке / Я. З. Ахмадов // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2013. – № 1 (18). – С. 94–97.
5. Булатов, А. Г. Индустриализация Дагестана: история, опыт, проблемы (1926–1932 гг.) / А. Г. Булатов. – Махачкала : Юпитер, 2001. – 135 с.
6. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=1032 (дата обращения: 01.03.2022).
7. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей и краев РСФСР по полу и национальности. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=3 (дата обращения: 01.03.2022).
8. Денисова, Г. С. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса / Г. С. Денисова, В. П. Уланов. – Ростов н/Д : Ростовский гос. пед. ун-т, 2003. – 350 с.
9. Кабузан, В. Н. Русские в мире / В. Н. Кабузан. – Санкт-Петербург : БЛИЦ, 1996. – 352 с.
10. Коткин, С. Новые времена: Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте / С. Коткин // Мишель Фуко и Россия : сб. ст. / под ред. О. Хархордина. – Санкт-Петербург : Летний сад, 2001. – С. 239–315.
11. Культура и быт народов Северного Кавказа (1917–1967 гг.) / под ред. В. К. Гарданова. – Москва : Наука, 1968. – 349 с.
12. Мартин, Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Т. Мартин. – Москва : РОССПЭН, 2011. – 855 с.
13. Миронов, Б. Н. Модернизация имперская и советская / Б. Н. Миронов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2018. – Т. 63, вып. 1. – С. 54–82. doi: 10.21638/11701/spbu02.2018.104.
14. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?su=0> (дата обращения: 04.03.2022).
15. Розин, М. Д. Научный комплекс Северного Кавказа / М. Д. Розин. – Ростов н/Д : СКНЦ ВШ, 2000. – 196 с.
16. Суций, С. Я. Русское население городов Северного Кавказа: демографическая динамика XIX – начала XXI в. / С. Я. Суций // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2018. – № 4 (41). – С. 66–73.
17. Чеченов, Ш. Ш. Осуществление ленинской программы народного образования в Кабардино-Балкарии (1920–1970 гг.) / Ш. Ш. Чеченов. – Нальчик : Эльбрус, 1971. – 336 с.

18. Якунин, В. И. Государственная политика вывода России из демографического кризиса / В. И. Якунин, С. С. Сулакшин, В. Э. Багдасарян. – Москва : Экономика, Научный эксперт, 2007. – 888 с.
19. Arnason, J. P. *The Future that Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model* / J. P. Arnason. – London : Routledge, 1993. – 252 p.
20. Arnason, J. P. Entangled Communisms: Imperial Revolutions in Russia and China / J. P. Arnason // *European Journal of Social Theory*. – 2003. – Vol. 6, № 3. – P. 307–325.
21. Eisenstadt, S. N. Multiple Modernities / S. N. Eisenstadt // *Daedalus*. – 2000 – Vol. 129, № 1. – P. 1–29.
22. Giddens, A. *The Nation-State and Violence* / A. Giddens. – Cambridge: Polity Press, 1985. – 399 p.
23. Kotkin, S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization* / S. Kotkin. – Berkeley : University of California Press, 1995. – 728 p.
24. Kotkin, S. *Modern Times: The Soviet Union and the Interwar Conjunction* / S. Kotkin // *Kritika*. – 2001. – Vol. 2, № 1. – P. 111–164.
25. Krylova, A. Soviet Modernity: Stephen Kotkin and the Bolshevik Predicament / A. Krylova // *Contemporary European History*. – 2014. – Vol. 23, № 2. – P. 167–192.
26. Tiryakian, E. The Changing Centers of Modernity / E. Tiryakian // *Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of Shmuel N. Eisenstadt* / eds E. Cohen, M. Lissak, U. Almagor. – Boulder, 1985. – P. 131–147.

References

1. Administrativnaia granica: mify i realnost. *Chechnia Segodnia* [Administrative border: myths and reality. Chechnya Today]. Available at: <https://chechnyatoday.com/content/view/22460> (accessed: 02.03.2022);
2. Arnason, J. Kommunizm i modern [Communism and modern]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological journal]. 2011, no. 1, pp. 10–35.
3. Arnason, J. Sovetskaja model kak forma globalizacii [The Soviet model as a form of globalization]. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kulture* [Emergency ration. Debate about politics and culture]. 2013, no. 4, pp. 30–44.
4. Akhmadov, Ia. Z. Iz istorii skladyvaniia pervogo kazachego soobshchestva na Tereke [From the history of the formation of the first Cossack community on the Terek]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic]. 2013, no. 1 (18), pp. 94–97.
5. Bulatov, A. G. *Industrializaciia Dagestana: istoriia, opyt, problemy (1926–1932 gg.)* [Industrialization of Dagestan: history, experience, problems (1926–1932)]. Makhachkala: Iupiter, 2001, 135 p.
6. *Vsesoiuznaia perepis naseleniia 1926 goda. Nacionalnyj sostav naseleniia po regionam RSFSR* [All-Union population census of 1926. National composition of the population by regions of the RSFSR]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=1032 (accessed: 01.03.2022).
7. *Vsesoiuznaia perepis naseleniia 1989 goda. Raspredelenie gorodskogo i selskogo naseleniia oblastej i kraev RSFSR po polu i nacionalnosti* [All-Union population census of 1989. Distribution of the urban and rural population of regions and territories of the RSFSR by sex and nationality]. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=3 (accessed: 01.03.2022).
8. Denisova, G. S., Ulanov V. P. *Russkie na Severnom Kavkaze: analiz transformacii sociokulturnogo statusa* [Russians in the North Caucasus: Analysis of the Transformation of Socio-Cultural Status]. Rostov-on-Don: Rostov State Pedagogical University, 2003, 350 p.
9. Kabuzan, V. N. *Russkie v mire* [Russians in the world]. St. Petersburg: BLIC, 1996, 352 p.
10. Kotkin, S. *Novye vremena: Sovetskij Soюз v mezhoennoem civilizacionnom kontekste* [New Times: The Soviet Union in the Interwar Civilizational Context] *Mishel Fuko i Rossiia: sb. statej* [Michel Foucault and Russia: collection of articles]. Ed. by O. Kharkhordin. St. Petersburg: Letnij sad; 2001, pp. 239–315.
11. *Kultura i byt narodov Severnogo Kavkaza (1917–1967 gg.)* [Culture and life of the peoples of the North Caucasus (1917–1967)]. Ed. by V. K. Gardanov. Moscow: Nauka; 1968, 349 p.
12. Martin, T. *Imperiiia "polozhitelnoj deiatelnosti". Nacii i nacionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN; 2011, 855 p.
13. Mironov, B. N. Modernizaciia imperskaia i sovetskaja [Modernization imperial and Soviet] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia* [Bulletin of St. Petersburg University. History]. 2018, vol. 63, iss. 1, pp. 54–82. doi: 10.21638/11701/spbu02.2018.104.
14. *Pervaia vseobshchaia perepis naseleniia Rossijskoj Imperii 1897 g.* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897]. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=0> (accessed: 04.03.2022).
15. Rozin, M. D. *Nauchnyj kompleks Severnogo Kavkaza* [Scientific complex of the North Caucasus]. Rostov-on-Don: SKNC VSH; 2000, 196 p.
16. Sushchij, S. Ia. *Russkoe naselenie gorodov Severnogo Kavkaza: demograficheskaia dinamika XIX – nachala XXI v.* [Russian population of the cities of the North Caucasus: demographic dynamics of the 19th – early 21st centuries.]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic]. 2018, no. 4 (41), pp. 66–73.
17. Chechenov, Sh. Sh. *Osushchestvlenie leninskoj programmy narodnogo obrazovaniia v Kabardino-Balkarii (1920–1970 gg.)* [Implementation of the Leninist program of public education in Kabardino-Balkaria (1920–1970)]. Nalchik: Elbrus; 1971, 336 p.
18. Yakunin, V. I., Sulakshin, S. S., Bagdasarian, V. E. *Gosudarstvennaia politika vyvoda Rossii iz demograficheskogo krizisa* [State policy of Russias withdrawal from the demographic crisis]. Moscow: Ekonomika, Nauchnyj ekspert; 2007, 888 p.
19. Arnason, J. P. *The Future that Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model*. London: Routledge; 1993, 252 p.
20. Arnason, J. P. Entangled Communisms: Imperial Revolutions in Russia and China. *European Journal of Social Theory*. 2003, vol. 6, no. 3, pp. 307–325.
21. Eisenstadt, S. N. Multiple Modernities. *Daedalus*. 2000, vol. 129, no. 1, pp. 1–29.
22. Giddens, A. *The Nation-State and Violence*. Cambridge: Polity Press; 1985, 399 p.
23. Kotkin, S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995, 728 p.
24. Kotkin, S. *Modern Times: The Soviet Union and the Interwar Conjunction*. *Kritika*. 2001, vol. 2, no. 1, pp. 111–164.
25. Krylova, A. Soviet Modernity: Stephen Kotkin and the Bolshevik Predicament. *Contemporary European History*. 2014, vol. 23, no. 2, pp. 167–192.
26. Tiryakian, E. The Changing Centers of Modernity. *Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of Shmuel N. Eisenstadt*. Ed. by E. Cohen, M. Lissak, U. Almagor. Boulder, 1985, pp. 131–147.

Информация об авторах

Ерохин А. М. – доктор социологических наук, профессор;
Авдеев Е. А. – кандидат философских наук;
Воробьев С. М. – кандидат политических наук, доцент.

Information about the authors

Erokhin A. M. – Doctor of Sociological Sciences, Professor;
Avdeev E. A. – Candidate of Philosophical Sciences;
Vorobev S. M. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов

Ерохин А. М. – формирование концепции статьи, написание вводного раздела принадлежит, обработка и анализ материала, написание статьи.

Авдеев Е. А. – описание методологии исследование, обработка и анализ материала, написание статьи, подготовка рисунков.

Воробьев С. М. – обработка и анализ материала, написание статьи, научное редактирование текста.

Contribution of the authors

Erokhin A. M. – formation of the concept of the article, writing the introductory section belongs, processing and analysis of the material, writing the article.

Avdeev E. A. – description of the research methodology, processing and analysis of the material, writing an article, preparing drawings.

Vorobev S. M. – processing and analysis of the material, writing the article, scientific editing of the text.

Статья поступила в редакцию 23.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 23.03.2022; approved after reviewing 05.04.2022; accepted for publication 30.06.2022.